

Теперь, когда понятен смысл слов „бусови врани“, мы обратимся к тексту сна князя Святослава: „Вею ноць съ вечера босови врани възгряху, у Пльсьнска на болони бѣша дебрь Кисаню, и не сошлю к синему морю“.¹ „Пльсьнск“ еще в первом издании был отождествлен с одним из городов Галицкой Руси, с ссылкой на историю Татищева. Н. М. Карамзин также считал, что в этом слове подразумевается исторический город Плесенск, расположенный в верховьях реки Серета, левого притока Днестра, на границе Галицкого и Владимирского (Волынского) княжеств. Город, надо полагать, был довольно значительный, судя по тому, что Даниил Романович, взяв его в 1223 году, захватил в нем и в окрестностях много пленных. Плесенск был, повидимому, передовым укреплением на восточной границе Галицкой земли. Здесь в 1188 году произошла битва галичан и их союзников венгров с напавшим на них Романом Мстиславичем.² Таким образом слово „Плесенск“ до сих пор не возбуждало сомнений. В дальнейшем был предложен ряд новых чтений с целью уяснения текста. Из них надо отметить утвердившееся в науке чтение В. Макушева: вместо „дебрь Кисаню“ — „дебрьски сани“ — змеи лесной чащи, ущелий, расселин³ и В. Ф. Миллера: вместо „бусови врани“ — „бусови врани“ = темнодымчатые, изсиня-серые вороны.⁴ Последнее толкование было принято взамен предложенного Максимовичем, а затем Буслаевым „бѣсови врани“. Постепенно разбираемый текст принял следующий вид: „всю ноць съ вечера бусови врани възгряху. У Пльсьнска на болони бѣша дебрьски сани и несошася к синему морю“.⁵

Вместо запятой, стоявшей в первом издании после слова „възгряху“, была поставлена точка; это закрепило деление текста на два самостоятельных предложения.

Однако, несмотря на все исправления, смысл текста оставался не вполне ясным, а конструкция второго предложения нескладной. Попробуем разобрать это место поэмы. Прежде всего напомним, что слово „бусови“ ни по происхождению, ни по значению не имеет никакого отношения к слову „бусый“ (серый). Затем, если принимать в данном месте поэмы деление на две фразы, то слова „бѣша“ и „несошася“, соединенные союзом *и*, должны относиться к одному и тому же подлежащему, как полагают к слову „сани“, которое рассматривается как именительный падеж множественного числа. Но „сани“ (змеи) не летают (ср. их эпитет „дебрьски“) — летают вороны.⁶ Однако если глагол „несошася“ („несошлю“) относить к воронам, то к ним же надо отнести и глагол „бѣша“. Следовательно, весь текст надо рассматривать как одно слитное предложение с одним общим подлежащим — „врани“ и тремя сказуемыми: „възгряху“, „бѣша“ и „несошася“: „У Пльсьнска на болони босови врани възгряху, бѣша дебрьски сани и несошася (несошлю) к синему морю“. Так как форму „дебрьски сани“ в таком случае нельзя более считать именительным падежом множественного числа, то приходится признать ее винительным множественного числа,

¹ Изд. 1-е, стр. 23—24.

² Сведения по г. Плесенску сообщены нам проф. М. Н. Тихомировым.

³ См. словари Миклошича и Срезневского. Впрочем, слово „дебрь“ значит также „чаща“ лесная, садовая (В. Макушев, ЖМНП, № 2, 1867).

⁴ См. словари Даля и Преображенского. В. Миллер. Взгляд на „Слово о поку Игореве“. 1877.

⁵ А. С. Орлов, стр. 71.

⁶ В сне Святослава собраны все возможные символы несчастья, но все они даны в правдоподобных образах, тем более, что сон этот, повидимому, представляет собой литературный прием.